

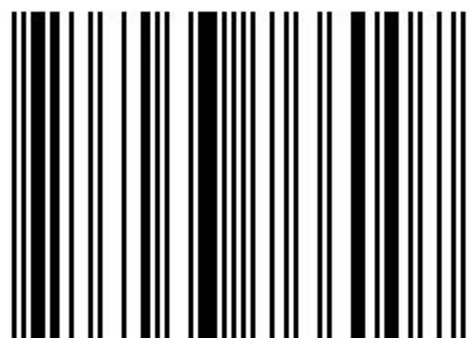
ISSN 3033-7666

ISSN 3033-7674

Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА XXI ВЕК

Эл № ФС77-87449

ISSN 3033-7666

9 773033 766007 >

№ 3(12)

Март 2026 года

Журнал
НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА «XXI ВЕК»
THE JOURNAL
"SCIENTIFIC PLATFORM "XXI CENTURY"

№ 3 (12), март 2026 года

<https://episs.ru>

ISSN 3033-7674 (Online), ISSN 3033-7666 (Print)

**СВИДЕТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ,
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)
Эл № ФС77-87449**

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

16+

Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем научным областям
Журнал издаётся на русском и английском языках
Все статьи рецензируются
Свободный доступ к электронной версии журнала
Отправляя статью в редакцию, Автор подтверждает её уникальность и несёт за неё
полную ответственность

Редколлегия

Главный редактор

Воронцов Владимир Валентинович

Выпускающий редактор

Иванов Максим Дмитриевич

Ответственный секретарь

Холманских Мария Викторовна

Рецензенты

Пырх Андрей Иванович,

к.ю.н., Санкт-Петербургский государственный университет

Димитриенко Андрей Игоревич,

к.м.н., Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени
академика И.П. Павлова

Контакты

✉ 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

☎ +7 931 712-95-96

✉ nxxivek@inbox.ru

© Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью «Полис» (ОГРН 1097847170871)
190031, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Адмиралтейский, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

Содержание

Contents

Изображение на обложках сгенерировано LLM GPT-5, авторские права принадлежат: Адель Кильдеев © 2026, Adel Kildeev © 2026, разрешение автора на использование изображений журналом получено.

Гаврилова Габриэла. Советские торговые отношения с Западом в 1960-1990 гг. и растущий советский долг Западу, Часть 2: 1970-е годы.....1

Gavrilov Gabriela. Western-Soviet Commercial Relations 1960-1990 and the growing Soviet debt to the West, Part 2: the 1970s.....1

Кильдеев Адель Ханяфиевич. Цифровое посмертие и иллюзия продолжения бытия: правовые и этические аспекты алгоритмической симуляции личности.....19

Kildeev Adel. Digital Afterlife and the Illusion of Continuity: Legal and Ethical Aspects of Post-Mortem Digital Simulation19

УДК: 339.9 (47+57) «1970»

**СОВЕТСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ В 1960–1990 гг.
И РАСТУЩИЙ СОВЕТСКИЙ ДОЛГ ЗАПАДУ
ЧАСТЬ 2: 1970-е ГОДЫ**

Габриэла Гаврилова
Колледж Эмерсон, Бостон, Массачусетс (1996)
Магистр журналистики
Католический университет, Вашингтон, округ Колумбия (1985) +
Варшавский университет, Польша (1983–1984)
Бакалавр политических наук / экономики
ggavrilov100@yahoo.com
<http://orcid.org/0009-0008-9246-9646>

Аннотация. В этой статье рассматриваются Советские торговые отношения с Западом в 1970-х годах, с акцентом на государственные экспортные кредиты, трансферы технологий и раннее накопление Советского внешнего долга. Опираясь в первую очередь на рассекреченные отчёты экономической разведки ЦРУ, она демонстрирует, как крупномасштабный импорт западных промышленных технологий и оборудования преобразовал Советскую внешнеторговую деятельность с товарно-денежных операций и бартера в системную кредитную зависимость. Статья является второй частью серии из трёх частей, анализирующей финансовые механизмы, которые в конечном итоге подорвали советскую экономическую систему. 1970-е годы стали решающим этапом, когда кредитный промышленный импорт стал доминирующей моделью советской внешней торговли.

Ключевые слова. Внешний долг СССР; Экономика холодной войны; экспортные кредиты; передача технологий; экономическая разведка ЦРУ; Советская торговля с Западом; промышленный импорт.

**WESTERN-SOVIET COMMERCIAL RELATIONS 1960-1990 AND THE
GROWING SOVIET DEBT TO THE WEST
PART 2: THE 1970s**

Gabriela Gavrilov
Emerson College, Boston, Massachusetts (1996)
MA Journalism
Catholic University, Washington, D.C. (1985) +
University of Warsaw, Poland (1983 – 1984)
BA Political Science / Economics
ggavrilov100@yahoo.com
<http://orcid.org/0009-0008-9246-9646>

Abstract. This article examines Western–Soviet commercial relations in the 1970s, focusing on government-backed export credits, technology transfers, and the early accumulation of Soviet external debt. Drawing primarily on declassified CIA economic intelligence reports, it demonstrates how large-scale imports of Western industrial plants and equipment transformed Soviet trade practices from cash and barter to systemic credit dependence. The article forms the second part of a three-part series analyzing the financial mechanisms that ultimately undermined the Soviet economic system. The 1970s represent the decisive phase in which credit-financed industrial imports became the dominant model of Soviet foreign trade.

Keywords. Soviet debt; Cold War economics; export credits; technology transfer; CIA economic intelligence; Western-Soviet trade; industrial imports

1. Введение

Это новый цикл статей автора Габриэлы Гавриловой о Советском долге Западным странам в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах, которые в конечном итоге объясняют финансовые причины распада Советского Союза. Текущая статья посвящена советским торговым отношениям с Западом 1970-х годов.

Советские отношения с Западом в 1970-х годах определялись дихотомией разрядки, сосуществовавшей с кровавыми прокси-конфликтами в развивающихся странах, сопровождавшейся одними из крупнейших коммерческих сделок в истории обмена между рыночной и командной экономиками.

Разрядка Холодной войны была коротким периодом переговоров по ограничению вооружений и улучшения торговых отношений между США и Советским Союзом, охватывавшим примерно с 1969 по 1979 год. Эта «оттепель» была представлена западной публике как захватывающая и уникальная возможность для Запада, особенно для США, коммерчески управлять Холодной войной, переходя от ядерного противостояния к коммерческому взаимодействию. Торговое взаимодействие — западная «панацея от всех мировых проблем» — снизит риск ядерного¹ уничтожения, связывая мировые экономики и используя западную экономическую мощь для влияния на поведение Советского Союза. Выдвигалась идея, что советский «авантюризм» будет «нормализован», когда советское правительство наконец подчинится капиталистическому потреблению через покупку материальных товаров и технологических методов, определяющих заявленное превосходство капитализма.

В отличие от 1960-х годов, когда западные кредиты дополняли всё ещё в основном денежную торговую систему, 1970-е ознаменовались переходом к структурно новой модели экономического взаимодействия. Модернизация промышленности больше не финансировалась через отдельные соглашения.

Дипломатические вехи эпохи разрядки включают подписание Договора о нераспространении ядерного оружия в 1968 году, переговоры по ограничению

¹ Угроза ядерной войны представлялась западной пропагандой, как исходящая исключительно от СССР.

стратегических вооружений (ОСВ), визит президента Никсона в Москву в 1972 году, где были подписаны Договор о противоракетной обороне (ПРО) и ОСВ-1, а также подписание Хельсинкских соглашений в 1975 году. Разрядка получила широкое освещение в мировых СМИ и, как следствие, стала платформой для оправдания роста торговли.

Идея о том, что более активное экономическое взаимодействие Востока и Запада стимулирует смягчение советских идеологических убеждений, использовалась для смягчения возражений Конгресса против увеличения торговли. Политическое сближение разрядки открыло путь для масштабных торговых сделок для западных, особенно американских компаний, под предлогом улучшения отношений. Это политика дала быстрый коммерческий эффект. Торговля выросла в семь раз только с 1971 по 1973 год благодаря крупному экспорту зерна из США и беспрецедентным продажам западной техники. После подписания торгового соглашения между США и СССР в 1972 году торговля между США и СССР выросла с 218 миллионов долларов в 1971 году до более чем 1,5 миллиарда долларов к 1973 году.

Эти контракты 1973 года были отмечены подписанием 2 июля широкого соглашения о передаче технологий с советским правительством одной из ведущих инженерных и строительных компаний США — корпорацией Bechtel из Сан-Франциско — главным военным подрядчиком США. Согласно статье *New York Times*:

Соглашение, которое следует аналогичным советским соглашениям с американскими корпорациями, считается особенно интересным для Москвы из-за участия Bechtel в ключевых промышленных проектах США, особенно в энергетической сфере. Bechtel изучает проекты трубопроводов для добычи аляскинской нефти, возможность строительства атомных электростанций на искусственных островах у Нью-Йорка и перспективы строительства и эксплуатации коммерческого завода по обогащению урана. Соглашение с Советским Союзом охватывает сотрудничество практически во всех отраслях тяжёлой промышленности — от использования управленческих методов в строительстве до металлов и нефтехимии, а также трубопроводной транспортировки нефти и газа.²

К марту 1974 года *The New York Times* объявила:

Грузовой завод на реке Кама, крупнейший советский промышленный проект нынешней эпохи разрядки, начал оказывать ощутимое влияние на экономическую жизнь в Соединённых Штатах, обеспечивая значительную долю бизнеса некоторых американских компаний.

Подробный отчёт по торговому проекту Восток-Запад, опубликованный корпорацией Chase World Information Corporation, содержит 65 контрактов, подписанных россиянами с американскими концернами, при этом восемь компаний ведут бизнес на сумму более 10 миллионов долларов.

В отличие от 1960-х годов, когда западные кредиты дополняли всё ещё в основном денежную торговую систему, 1970-е ознаменовались переходом к структурно новой модели экономического взаимодействия. Модернизация

² Без автора (3 июля 1973). КОМПАНИЯ ВЕСНТЕЛ ПОДПИСЫВАЕТ СОВЕТСКИЙ ПАКТ, *The New York Times*, стр. 40.

промышленности больше не финансировалась через отдельные соглашения, а скоординированную систему государственных экспортных кредитов, синдицированных банковских кредитов и долгосрочных соглашений «энергия в обмен на технологии». Этот сдвиг превратил внешнее заимствование из дополнительного инструмента в системное условие для поддержания советского экономического роста.

В результате количественное расширение торговли сопровождалось качественным изменением её финансовой архитектуры. Обязательства по твердой валюте росли значительно быстрее, чем экспортные мощности, что закрепило долгосрочную зависимость от западных финансовых рынков в операционную логику советской экономики.

2. КамАЗ

Контракты на КамАЗ, как советский грузовой завод обычно называют в русской аббревиатуре, составляют до 60–70 процентов объёмов продаж компаний, участвовавших в проекте. Бизнес, приобретённый одной из компаний — National Engineering Company of Chicago — составляет 150 процентов её годовых продаж за последние годы.

Бум, представленный примерно на \$270 миллионов станков и литейного оборудования, заключённых на конец прошлого года, далёк от завершения. По сообщениям, советские закупочные чиновники в Нью-Йорке на прошлой неделе опросили как минимум 45 крупных и малых компаний на дополнительное оборудование на сумму более 150 миллионов долларов.

Эта информация была собрана Chase World Information в первом из серии торговых путеводителей Восток-Запад под названием «КамАЗ, начало на миллиард долларов». Отчёт распространялся среди подписчиков EastWest Markets, дочерней компании Chase Manhattan Bank, которая долгое время играла ключевую роль в торговле с Советским Союзом, включая финансирование проекта Kama River Truck.³

Помимо списка заказов, сделанных в США, с техническими характеристиками и датами поставок, в отчёте Chase описывается завод КамАЗ, его роль в советской экономике и город Набережные Челны, расположенный рядом с заводом. Автомобильный завод по производству грузовиков на реке Кама (КамАЗ) обошёлся от 3 до 4 миллиардов долларов в долларах США 1970-х годов. Масштабный проект, включавший фабричный комплекс и новый город для 70 000 рабочих, включал более 1 миллиарда долларов в импорт западных, в основном американских, машин и технологий.⁴ Запущенная в 1969 году, первая фаза завода была в основном функционирующей к 1976 году.

Статья продолжилась с дополнительными подробностями:

Американские заказы на проект реки Кама были размещены специальной нью-йоркской комиссией по закупкам под руководством Георгия С. Щукина,

³ Теодор Шабад (5 марта 1974). «Проект советских грузовиков стимулирует бизнес США», *The New York Times*, стр. 47.

⁴ Дэвид К. Шиплер (20 декабря 1976). «Гигантский завод по производству грузовиков медленно оживает на равнинах Советского Союза», *The New York Times*, стр. 70

профессионального внешнеторгового чиновника. Офисы комиссии расположены в здании General Motors по адресу: 767 Пятая авеню.

Крупнейшим подрядчиком в США на сегодняшний день является компания Swindell-Dressler из Питтсбурга, у которой заказы на сумму 42,6 миллиона долларов, включая инженерные проекты и некоторое оборудование для крупного литейного завода грузового завода. Swindell-Dressler — это подразделение Pullman, Inc., диверсифицированной многонациональной компании. Контракты Кама составляют около 14 процентов от ежегодных продаж Pullman в инженерной и строительной сфере.

Другими крупными поставщиками являются C-E Cast Equipment из Кливленда с \$34,5 миллиона; Holcroft & Co. из Ливонии, штат Мичиган, 19,9 миллиона долларов; Ingersoll-Rand из Рокфолда, Иллинойс — \$19,2 миллиона, и National Engineering Company of Chicago — \$15,4 миллиона.

Контракты C-E Cast Equipment на линии формовки на заводе в Кама составляют 70 процентов от продаж 1973 года около 50 миллионов долларов. Холкрофт принадлежит корпорации Thermo Electron. Заказы Кама составляют более половины чистых продаж корпорации в 1972 году.

Французская компания Renault занималась инженерным проектированием для завода двигателей. Компания Swindell-Dressler из Питтсбурга спроектировала литейный цех. IBM и Honeywell, Inc. договорились о поставке компьютеров и автоматического оборудования, чтобы сделать Кама самой современной фабрикой грузовиков в мире (хотя нет доказательств того, что они выиграли контракты).

3. Прокси-войны продолжались на фоне крупных коммерческих сделок

Пока сверхдержавы вели переговоры на мировой арене о соглашениях по контролю над вооружениями и заключали масштабные коммерческие сделки, они также вели прокси-войны, «активные меры»⁵, дезинформацию и продолжающиеся споры по правам человека в развивающихся странах.

США продолжали кровавую и дорогостоящую военную кампанию во Вьетнаме с 1965 по 1973 год, опасаясь коммунистического захвата Южного Вьетнама, который, по их мнению, вызовет цепную реакцию (теория домино) по всему региону. С 1965 по 1975 год США и их союзники сбросили более 7,5 миллионов тонн бомб на Вьетнам, Лаос и Камбоджу — вдвое больше, чем на Европу и Азию во время Второй мировой войны. В соотношении к фунту это остаётся крупнейшим воздушным бомбардировкой в истории человечества,⁶ в то время как Советский Союз был основным поставщиком передовой военной техники для

⁵ Согласно Википедии: «активные меры» (рус.: активные мероприятия, правительство США называет «исполнительное действие») — это термин, используемый для обозначения политической войны, ведущей [исключительно] Советским Союзом и Российской Федерацией. Термин, восходящий к 1920-м годам, включает такие операции, как шпионаж, пропаганда, саботаж и убийства, основанные на внешнеполитических целях советского и российского правительств. Администрация Владимира Путина продолжает применять активные меры». США не упоминаются как использующие подобные действия.

⁶ Купер Томас (2016?). «Бомбардировочные миссии войны во Вьетнаме: визуальная запись крупнейшего воздушного бомбардировщика в истории».

Команда Esri по StoryMaps @ <https://storymaps.arcgis.com/stories/2eae918ca40a4bd7a55390bba4735cdb>.

Северного Вьетнама. СССР предоставил примерно 65% танков НВА, 55% винтовок и 95% систем ЗРК для противодействия превосходству США в воздухе. С 1965 по 1975 год более 10 000 советских советников и специалистов обучали личный состав, обслуживали оборудование и эксплуатировали системы ПВО, ежегодно внося более 600 миллионов долларов на помощь.⁷

В марте 1975 года поддерживаемые Советским Союзом силы вмешались в гражданскую войну в Анголе, предоставив значительное вооружение и логистическую поддержку Марксистскому народному движению за освобождение Анголы (MPLA) в ходе борьбы с поддерживаемыми США и Южной Африкой фракциями — Национальным союзом за полную независимость Анголы (UNITA) и Национальным фронтом освобождения Анголы (FNLA). СССР предоставил МНОАК жизненно важные поставки, включая танки и бронев автомобили, что позволило им захватить столицу Луанду к июлю 1975 года.

К 23 мая 1979 года *The New York Times* сообщила:

Сегодня американские разведчики сообщили, что советский завод по производству грузовиков, построенный при американской помощи, выпускает двигатели для военной техники.

По словам официальных лиц, офицер Центрального разведывательного управления, давая показания на закрытом слушании подкомитета по вооружённым силам Палаты представителей, подтвердил доклад секретного правительства, в котором говорилось, что часть из 50 000 дизельных двигателей, производимых ежегодно на заводе грузовиков, устанавливаются в военную технику.

Представители Министерства обороны и Министерства торговли заявили, что предполагаемое производство этих двигателей для военного использования не нарушает существующие торговые соглашения. Они также заявили, что оборудование, проданное Советскому Союзу для строительства завода по производству грузовиков, не представляло значительных угроз безопасности для США.⁸

В июне 1979 года в Вене Картер и Брежнев подписали договор о ограничении стратегических вооружений (SALT) II, однако растущая политическая напряжённость [или давление со стороны военных подрядчиков] помешала его ратификации Сенатом США. Испытательный проект «Аполлон-Союз», первый совместный космический полёт между США и СССР, кратковременно потеплил отношения в июле 1975 года.

Когда советские войска вторглись в Афганистан в декабре 1979 года, разрядка фактически была прекращена. В ответ США ввели кратковременные санкции, временное эмбарго на зерно и бойкотировали Олимпиаду в Москве 1980 года.⁹

В совокупности эти соглашения выявляют постоянную закономерность. Западные компании поставляли целые промышленные комплексы и современное

⁷ Отчёт ЦРУ (дата указана). Масштабы советской помощи Северному Вьетнаму, одобрено к публикации (09.04.2009). <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP78T02095R000900030002-5.pdf>

⁸ Ричард Берт (24 мая 1979). «СОВЕТСКАЯ АРМИЯ, СВЯЗАННАЯ С США-AIDED PLANT», *The New York Times*, раздел А, страница 12.

⁹ [https://history.state.gov/milestones/1969-](https://history.state.gov/milestones/1969-1976/detente#:~:text=Between%20the%20late%201960s%20and,increased%20discussion%20on%20arms%20control.)

[1976/detente#:~:text=Between%20the%20late%201960s%20and,increased%20discussion%20on%20arms%20control.](https://history.state.gov/milestones/1969-1976/detente#:~:text=Between%20the%20late%201960s%20and,increased%20discussion%20on%20arms%20control.)

оборудование в кредит, а погашение зависело от будущих экспортных доходов, которые сами были связаны с волатильными товарными рынками. Таким образом, Советский Союз вошёл в траекторию развития, в ходе которой технологическая модернизация и внешний долг стали структурно неразделимы.

Эта модель обеспечила быстрый рост промышленных мощностей, но не привела к соответствующему увеличению конкурентоспособного экспорта твёрдой валюты. Разрыв между интенсивностью импорта и экспортными показателями был таким образом покрыт за счёт постоянного рефинансирования.

4. Советский долг перед Западом резко вырос в 1970-х годах

В 1970-х годах советский экспорт на Запад увеличился на 55%, а импорт с Запада — на 207%.¹⁰ Неудивительно, что долг в твердой валюте Советского Союза перед Западом также резко вырос — с примерно 1,8 миллиарда долларов в 1970 году до почти 19 миллиардов к концу 1980 года. Более широкий долг Восточного блока превысил 80 миллиардов долларов.¹¹

Как это произошло?

1971 г.

18 мая — *The New York Times* сообщила, что американская фирма Mack Trucks, Inc. достигла предварительного соглашения с советскими представителями в Нью-Йорке о поставке оборудования на сумму 750 миллионов долларов для советского завода по производству грузовиков. Это было заявленное как крупнейшее соглашение в истории советско-американской торговли несмотря на то, что Albert Kahn Architectural Associates подписала с СССР контракт на 2 миллиарда долларов в январе 1930 года на строительство советских промышленных зданий для^{1-го} и 2-го пятилетних планов.¹²

1 июня — Министерство торговли одобрило лицензии на экспорт американского оборудования для производства грузовиков на сумму 85 миллионов долларов в Советский Союз...

9 августа — Министерство торговли выдало экспортные лицензии на ещё 162 миллиона долларов американского литейного оборудования для завода грузовиков в Советском Союзе, несмотря на продолжающуюся войну во Вьетнаме, где советские поставляли военную технику коммунистическому правительству Северного Вьетнама и использовались против американских войск. Правительство США заявило, что эти лицензии не являются одобрением более крупной сделки Mack

¹⁰ Мария Афонина (21 сентября 2022). «Как СССР торговал с Западом несмотря на Железный занавес», *Врата в Россию*, <https://www.gw2ru.com/business/2230-how-ussr-traded-with-west#:~:text=Machinery%2C%20equipment%2C%20и%20vehicles%20%E2%80%93%2040.7%25,материалы%20и%20промежуточные%20товары%20%E2%80%93%201.3%25>

¹¹ Секретный доклад ЦРУ (8 апреля 1982 года). ФИНАНСОВАЯ ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО БЛОКА КАК ИСТОЧНИК ЗАПАДНОГО ВЛИЯНИЯ, одобрено к выпуску 17 июня 2008 года. <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00966R000100030026-0.pdf>

¹² Соня Мельникова-Райч (2010), «Советская проблема с двумя «неизвестными»: как американский архитектор и советский переговорщик запустили индустриализацию России, часть 1: Альберт Кан.

Truck, которая предусматривала поставку оборудования, предназначенного для производства тяжёлых (военных) грузовиков.

15 сентября — Mack Trucks, Inc. объявила о расторжении соглашения о поставке оборудования для производства грузовиков на сумму 750 миллионов долларов в Советский Союз. Представители Министерства торговли отрицали, что правительство США заблокировало сделку, объяснив слишком расплывчатыми заявлениями на лицензию, и запросили дополнительную информацию у компании, которую они не получили.

5 ноября — Министерство сельского хозяйства объявило о разрешении на продажу зерна на сумму 136 миллионов долларов Советскому Союзу.

20 ноября — министр торговли Станс отправился в Москву для переговоров по расширению советско-американской торговли. Чтобы Советский Союз мог приобрести дополнительные капиталы и технологии американских компаний, ему понадобятся государственные (налогоплательщики) кредиты для выплаты американским компаниям.

28 ноября — элитные бизнесмены из США и Западной Европы встретились с советскими лидерами в Москве для обсуждения совместных предприятий и других торговых возможностей.

30 ноября — Корпорация Satra из Нью-Йорка заключила бартерное соглашение с советским правительством (совместно с другими американскими компаниями) о поставке горнодобывающего и бурового оборудования на сумму 65 миллионов долларов в обмен на цветные металлы на сумму 60 миллионов долларов.

4 декабря — По данным швейцарской газеты *Neue Zurcher Zeitung*, где-то в ноябре президент Никсон (по-видимому, тайно) одобрил лицензии на поставку американского оборудования для производства грузовиков на сумму 950 миллионов долларов для гигантского советского завода по производству грузовиков на реке Кама.

Согласно докладу ЦРУ от октября 1978 года «Закупки советского химического оборудования с Запада: влияние на производство и внешнюю торговлю», в период с 1971 по 1977 год было приобретено более 100 комплексных химических заводов стоимостью более 6,5 миллиарда долларов у западных компаний: в период с 1971 по 1975 год в рамках 9-го пятилетнего плана было заключено 3,5 миллиарда долларов и более долларов в последующие два года.

1972 г.

После длительных переговоров в 1972 году СССР согласился выплатить 722 миллиона долларов долга по ленд-лизу времён Второй мировой войны (позже уменьшенного до 674 миллионов долларов). Во время Второй мировой войны правительство США закупало военную продукцию и припасы, продукты питания и нефть у американских компаний на средства налогоплательщиков для снабжения союзных стран, на сумму более 50 миллиардов долларов. Великобритания получила 31,4 миллиарда долларов, Советский Союз — 11,3 миллиарда, Франция — 3,2 миллиарда, а Китай — 1,6 миллиарда долларов. (Российская Федерация завершила

окончательный платеж в 2006 году. Для сравнения, Великобритания также завершила процесс погашения долга в 2006 году.)

В начале июля 1972 года США договорились о соглашении, позволявшем Советскому Союзу закупать до 750 миллионов долларов американского зерна в кредит в течение трёх лет.¹³ Однако советское правительство быстро превысило кредитный лимит, потратив 750 миллионов долларов всего за месяц¹⁴ и превысив 1 миллиард долларов зерна в США к концу года после того, как СССР приобрёл около 25,2¹⁵ миллиона метрических тонн американского зерна (в основном пшеницы, кукурузы и сои) в масштабной сделке, которая составила четверть всего урожая пшеницы в США.

После этого соглашение 1975 года позволило СССР ежегодно закупать до 8 миллионов метрических тонн зерна США, поскольку бывшая житница Европы, страны с самой плодородной Землёй на планете, была вынуждена закупать зерно у американских компаний.¹⁶

1973 г.

General Electric подписала широкое соглашение о совместной разработке технологий производства электроэнергии с советским правительством 12 января 1973 года. Контракт предусматривал обмен специалистами и производственными образцами турбин и другого энергетического оборудования, а также совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские программы. Хотя GE отказалась раскрывать стоимость контракта, вице-президент GE Томас О. Пейн охарактеризовал его как «широкую основу, которая в конечном итоге может привести к бизнесу на сотни миллионов долларов».¹⁷

1974 г.

С середины 1974 по середину 1976 года СССР получил более 11 миллиардов долларов кредита от Западной Европы, Японии и Канады.¹⁸

22 марта — Согласно репортажу Reuters, опубликованному на первой полосе *The New York Times*, 22 марта западногерманский сталелитейный картель заключил контракт на 1 миллиард¹⁹ долларов с Советским Союзом на первый этап строительства ещё одного металлургического завода. Немецкий сталелитейный картель Krupp AG, Korf Stahl и Salzgitter AG подписал контракт с Министерством

¹³ Филип Шабекофф (9 июля 1972). «Москва согласна купить американское зерно за 750 миллионов долларов». *The New York Times*. стр. 1. ISSN 0362-4331.

¹⁴ «Америка получает шахту». Гарвард Кримсон. 1 декабря 2016 года.

¹⁵ <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/smg7qj-7lorz/18.pdf>, включая более 18 миллионов тонн сделки по кражу зерна.

¹⁶ Только Украина занимает 25% чернозёма в мире.

¹⁷ Теодор Шабат (13 января 1973). «Генеральная Европа и Советский Союз подписывают пакт о технологическом обмене», *The New York Times*.

¹⁸ Сверхсекретный доклад ЦРУ (около 1976 года/без титульной страницы), СССР: Проблемы в финансировании дефицита торговли жёсткой валютой, приложения, упомянутые в тексте, не включены. Выпущено (дата неизвестна).

¹⁹ 1 миллиард долларов в 1974 году будет стоить около 6,4 миллиарда долларов в 2024 году.

внешней торговли СССР. Названный крупнейшим промышленным проектом Востока и Запада со времён Второй мировой войны, общая стоимость проекта оценивалась в 2,2 миллиарда долларов и предусматривала производство 4 миллионов тонн гранул железной руды и 2,7 миллиона тонн стальных изделий, необходимых для производства межконтинентальных баллистических ракет и другого оружия массового уничтожения. Немецкие компании также поставляли оборудование, машины и технологии.

4 марта — *The New York Times* от 24 марта 1974 года американский табачный гигант Phillip Morris, Inc. подписал в Москве контракт на производство табака, химикатов и упаковочной бумаги, а также обмен научной и технической информацией [по-видимому, связанной с производством и скручиванием сигарет]. Контракт был подписан Хью Каллманом, старшим вице-президентом Phillip Morris и заместителем председателя Советского государственного комитета по науке и технике. Стоимость контракта не упоминалась.

<https://beltps.com/22-years-since-yamal-europe-commissioning/#:~:text=The%20total%20length%20of%20the,Poland%20and%201%20in%20Germany.>

5. Трубопровод Уренгой–Помары–Ужгород (трубопровод «Дружба»)

Трубопровод Уренгой–Помары–Ужгород (трубопровод «Дружба») был частью программы «газ в обмен на трубы». Советский банк «Ost-West Handelsbank» был открыт во Франкфурте 1 марта 1973 года для поддержки проекта.²⁰

Только в 1975 году примерно 900 миллионов долларов импортных труб в рамках различных советских сделок «газ в обмен на трубу» финансировалось за счёт государственных кредитов, главным образом из Германии. Только предприятие Yamal-Europe потребовало создания консорциума из 20 западногерманских банков для выделения 5,2 миллиарда долларов и группы французских банков для

²⁰ "Галина Аполлоновна Титова: В Сингапур я ездила разбираться десять лет" [Галина Аполлоновна Титова: Я десять лет ездила в Сингапур, чтобы разбираться] (PDF). letopis.org (на русском). Архивировано с оригинала (PDF) 23 октября 2023 года. (https://en.wikipedia.org/wiki/Urengoy%E2%80%93Pomary%E2%80%93Uzhhorod_pipeline)

кредитования ещё на 4 миллиарда долларов. В общей сложности западные финансовые организации предоставили около 15 миллиардов долларов на покрытие технологий, оборудования и строительства для поставок 40 миллиардов кубометров природного газа в год, начиная с 1986 года.²¹

Согласно докладу ЦРУ «Строго секретно», «В 1975 году СССР занял примерно 4,3 миллиарда долларов у западных коммерческих банков, одновременно сократив свои активы на 371 миллион долларов. К концу года общие советские обязательства составили \$7,6 миллиарда, а чистые обязательства (вычитая советские активы, принадлежащие западным банкам) — \$4,7 миллиарда. Согласно статистике Министерства финансов и Федеральной резервной системы США, банки США и их крупные зарубежные отделения имели претензии на сумму 1 миллиарда долларов к СССР к концу 1975 года. Почти 60% этих претензий принадлежали иностранным отделениям.»²²

Карта эксплуатируемых ресурсов восточной Советской России от *The New York Times* для статьи «Капиталистическая помощь открывает сибирские ресурсы» от 26 апреля 1974 года.

«Огромные природные богатства Сибири стали точкой растущих экономических отношений между Востоком и Западом, объявили *The New York Times* в апреле 1974 года. «Регион, простирающийся по северной трети Азии — от Урала до Тихого океана — уже обеспечивает 75–80 процентов энергетических ресурсов Советского Союза — уголь, нефть, природный газ и гидроэлектроэнергия, а также некоторые ценные металлы, такие как золото и олово, а также алмазы. Теперь, после подписания соглашения на 1 миллиард долларов, часть этих ресурсов будет поставлена в Японию, а возможно, позже — в Соединённые Штаты. ... Во-первых, требуется создание обширной инфраструктуры, такой как железные дороги, электроснабжение, жилье и услуги. Во-вторых, стоимость строительства выше из-за

²¹ Александр Л. Тейлор III (Fed. 16, 1981), «Советский трубопровод на Запад». ВРЕМЯ.

²² Сверхсекретный доклад ЦРУ (около 1976 года/без титульной страницы), СССР: Проблемы в финансировании дефицита торговли жёсткой валютой, приложения, упомянутые в тексте, не включены. Выпущено (дата неизвестна).

враждебной среды.» Все они требуют дополнительного признания из западных источников.

По мере того как западные компании и банки богатели, пользуясь почти монопольным доступом к огромным советским промышленным рынкам, Советский Союз, который удобно [для западных капиталистов] запретил отечественных предпринимателей, стал беднее.

СВЕРХСЕКРЕТНЫЙ ОТЧЁТ ЦРУ О КРУПНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕДИТНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ ИЗБРАННЫХ* ЗАПАДНЫХ СТРАН ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПРОЕКТОВ/ПОКУПОК (МИЛЛИОНЫ ДОЛЛАРОВ США) ДЕКАБРЬ 1974 — ФЕВРАЛЬ 1976

	<u>Страна</u>	<u>Тип кредита</u>	<u>Сумма кредита</u>	<u>Стоимость контракта</u>	<u>Первоначал й взнос</u>	<u>Процентн я ставка</u>	<u>Срок (годы)</u>	<u>Описание</u>
Дек-74	Франция	CL	2,800	3,500	20%	7.2 - 7.55	8.5	Закупки французс продукции в пери 1975 по 1979 год.
Ноябрь-75	Франция	РА	295	363	20%	7.2	8.5	Французская доля Ирана Натуралист Газовый проект.
Окт-74	Западная Германия	РА	293	375	20%	--	6	Грузовики
Окт-74	Западная Германия	РА	577	700	15%	6.75	8.5	Труба
Янв-76	Западная Германия	РА	464	546	15%	7.35	8	Труба
Февраль-75	Великобритания	CL	2,270	2,838	20%	7.0-7.35	8.5	Условия матчей французского CL
Янв-75	Италия	РА	560	650/3	15%/3	7.45	5	35% от \$1,4 миллиарда Pipe Порядок
Апр-75	Италия	РА	257	320	20%	7.345	8	Химические завод
Сентябрь-74	Италия	CL	900	1,058	15%	7.55	--	
Янв-76	Италия	РА	200	235/3	15%/3	7.55/3		Дополнительный кредит на январь-75 Порядок в трубах.
Февраль-76	Япония	РА	160	200	20%	7.55		Труба
Февраль-76	Япония	РА	221	260	15%	7.55	8	Аммиачный завод

Мар-76	Япония	РА	25	--	--	6.375	· Якутское исследование
Февраль-76	США	РА	25	--	--	Н.А.	· Кредит Bank of America на развед Якутска
Итого:			9,047	10,160			

* Не включает Финляндию, Швецию или Австрию.

CL — Общий кредит

РА – Проект Associated

3. Оценочно

6. Продажа в 1978 году СССР технологии производства буров стоимостью 158 миллионов долларов²³

В 1978 году Белый дом принял решение разрешить крупному американскому военному подрядчику Dresser Industries продавать «планы, оборудование и другие элементы передовых технологий для производства высококачественных сверлений, включая электронно-лучевой сварочный аппарат» Советскому Союзу. Единственной причиной, по которой решение было вынесено в общественный свет и не было сохранено в секрете в середине 1976 года, был конфликт между ЦРУ и Министерством энергетики, которое считало, что завод обеспечивает значительный военный потенциал Советскому Союзу, а также министерствами торговли и обороны, одоббившими продажу. Президент Джимми Картер вступил в дебаты, чтобы дать президентское одобрение экспорту Dresser Industries. Картер также объявил об обязательстве правительства снизить экспортные барьеры и ускорить процесс лицензирования для американских корпораций, желающих получить аналогичные экспортные лицензии.

А *Нью-Йорк Таймс* в статье объяснялось, что «сделка Dresser на \$158 миллионов была лишь первой из серии предлагаемых продаж, связанных с нефтяным оборудованием и другими передовыми технологиями».²⁴

²³ В то время как *The New York Times* сообщала, что сделка стоила 144 миллиона долларов, в секретной записке З. Бжезинского президенту от 10 июля 1978 года отмечалось, что это «фабрика буров стоимостью 158 миллионов долларов».

²⁴ Ричард Берт (26 июня 1978), «Помощники Картера выступают за запрет на нефтяное оборудование для советских», *The New York Times*.

Валютный долг Советского блока	Валовой долг в твёрдой валюте (\$US миллионов)		Коэффициент обслуживания долга/1	
	1970	1980	1970	1980
СССР	1,800	18,300	6	9
Польша	1,103	26,000	19	101
Восточная Германия	1,416	14,500	14	55
Румыния	1,639	10,700	36	25
Чехословакия	564	4,620	9	18
Венгрия	610	8,700	16	30
Болгария	681	2,975	30	32

1) Погашение и проценты по среднесрочному и долгосрочному долгу в виде доли экспорта твёрдой валюты.

(Источник: Секретный меморандум ЦРУ, 8 апреля 1983 года).
Финансовая проблема советского блока как источник западного влияния, RDP83T00966R000100030026-0, одобрено к выпуску 2008/06/17.)

7. Западные банки достигают предела своей уязвимости в советском блоке

В свете быстро растущего долга всего советского блока в 1970-х годах ЦРУ сообщило, что «частные источники долгосрочного кредита блоку иссякли», оставив²⁵ многие страны блока «неспособными выполнить свои валютные обязательства... Эти проблемы дают Западу необычную возможность влиять на развитие в советском блоке», отмечая, что «основными инструментами влияния являются объем и условия новых гарантированных государством кредитов и перепланировка существующих обязательств.»

Почему США, которые потратили 944,84 миллиарда²⁶ долларов на военные контракты только с 1970 по 1979 год с целью защиты себя и мира от коммунизма, позволили тем же компаниям и банкам, участвовавшим в западных оборонных контрактах, выдавать деньги источнику коммунизма, если вся система холодной войны была лишь уловкой, чтобы обмануть мировое общество на эти деньги?

Почему советское правительство, заявлявшее, что его единственная цель — защищать народ от зла капитализма и потратившее примерно на 300 миллиардов долларов больше на свою армию, чем США в период с 1970 по 1981 год, не только заключает крупные контракты с крупнейшими капиталистическими фирмами, но и

²⁵ Секретный меморандум ЦРУ (8 апреля 1983 года). «Финансовая проблема советского блока как источник западного влияния», RDP83T00966R000100030026-0, одобрено к публикации 2008/06/17.)

²⁶ ЦРУ оценивало, что расходы на оборону СССР стабильно превышают расходы США, при этом Советский Союз вложил примерно на 300 миллиардов долларов больше в свою армию, чем США в период с 1970 по 1981 год.

позволяет опасности задолженности перед ними и западными правительствами? даже поставив под угрозу её способность продолжать военные расходы, если вся система холодной войны была лишь обманом?

Как говорится в докладе ЦРУ, «Все эти [страны Советского блока] зависят от Запада в вопросах критически важного импорта продовольствия, стали и высококачественного оборудования». Но в докладе не говорится, что компании, продававшие эти «критически важные импортные продукты питания, стали и высококачественного оборудования», были столь же зависимы от рынков Советского блока.

«Расширение торговли между Востоком и Западом было поддержано формальным и неформальным поощрением со стороны западного правительства», — говорится в докладе ЦРУ, — «включая ослабление экспортного контроля и масштабное расширение кредитования. В начале 1970-х годов большая часть западного кредита предоставлялась в виде гарантированных государством кредитов на продажу машин и оборудования.

Ко второй половине десятилетия центр тяжести сместился от государственных экспортно-кредитных агентств к частным западным финансовым учреждениям. СССР и страны Восточной Европы стали активными заемщиками на международных рынках капитала, интегрируясь в мировую финансовую систему без обладания институциональными механизмами, необходимыми для конвертируемой валютной экономики.

Эта асимметрия объясняет, почему вопрос кредитных условий — процентных ставок, сроков погашения и перепланирования — приобрёл стратегическое значение и постепенно превратился в потенциальный инструмент политического и экономического влияния.

Однако по мере резкого роста торговли и увеличения числа контрактов СССР и страны Восточной Европы вышли на частные западные финансовые рынки в гораздо большем масштабе, чем раньше. ... Западные банки конкурировали друг с другом за кредиты Восточному блоку. К концу 1980 года долг в твердой валюте Восточного блока превысил 80 миллиардов долларов (по сравнению с 8 миллиардами долларов в 1971 году).²⁷

В то время как Советский Союз и страны Восточного блока были известны как отличные кредитные риски благодаря доказанной надёжности и оперативных платежей, западные банки к концу 1970-х годов достигли или уже достигли своего самоналожённого лимита финансовой риски с блоком.

ЦРУ опасалось, что «жёсткая ограничительная политика может привести к массовому дефолту по долгам, который ... [может] создать риски для стабильности международной банковской системы.»²⁸ Рост долга, «высокие процентные ставки, плохие урожаи, [и] снижение цен на нефть» [контролируемые западными товарными рынками] «привели к фундаментальной переоценке риска кредитования стран Советского блока, что, в свою очередь, ограничило доступ этих стран к западному частному кредиту и сделало часть оставшихся кредитных потоков

²⁷ Секретный доклад ЦРУ (8 апреля 1982 года). ФИНАНСОВАЯ ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО БЛОКА...

²⁸ Там же.

уязвимыми к новым негативным событиям. В последние несколько месяцев [начало 1983 года] возможность того, что западные правительства могут ограничить или препятствовать кредитованиям Восточной Европе, создала дополнительную неопределённость на финансовых рынках и ещё больше препятствовала банковскому кредитованию.»²⁹

Даже после соглашения Польши о перепланировании частного долга в 1981 году у страны «почти не было шансов создать крупный торговый профицит или получить достаточное облегчение долгов и кредиты для покрытия бремени обслуживания долга в 1982 году в размере 10 миллиардов долларов».³⁰

«Зависимость советского блока от западных кредитов в области продовольствия, оборудования и технологий даёт Западу возможность использовать кредиты как инструмент влияния», — отмечается в докладе ЦРУ. Действительно, отказ от предоставления этих кредитов означал бы обрушить всю систему за десятилетия до 1999 года — но лишил бы западные фирмы десятилетий монопольного доступа к огромным рынкам советского блока, которые находились под системой, запрещающей внутреннюю конкуренцию и не допускающую российский рубль на мировые финансовые рынки. С Россией и её союзниками, ослабленными коммунистической системой, западные фирмы получили свободу править миром и становиться всё сильнее с каждым десятилетием.

У Запада были «прямые меры» или рычаги, которые он мог использовать для влияния на поток капитала в СССР и его союзников:

А) Увеличивайте выплаты процентов. Повышение процентных ставок по новым гарантированным государством кредитам на 3 процента может увеличить процентные выплаты для СССР примерно на 60 миллионов долларов в год. Совокупный эффект такой политики за 10 лет приведёт к общему увеличению процентных выплат примерно на 1,5 миллиарда долларов для СССР и на 2-21,5 миллиарда долларов для Советского блока, исключая Польшу — что значительно увеличит эту цифру.

Б) Мораторий на новые гарантированные государством кредиты (исключая кредиты западных компаний на оборудование для трубопровода Ямал³¹) сократит чистый поток западного капитала.

В) Западные кредиты могут объявить Польшу в дефолте по своим обязательствам, но это может иметь «серьёзные последствия для западных банков» и ещё больше ограничить готовность частных банкиров кредитовать другие страны Восточной Европы.

Однако в отчёте отмечалось, что «наибольшие потенциальные последствия ограничений западных кредитных ограничений имеют косвенный характер». В отчёте отмечалось, что «крайне маловероятно, что западные банки готовы

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Западные компании, продававшие оборудование для советских трубопроводных проектов 1980-х годов (часто упоминаемых в контексте трубопровода Уренгой-Помари-Ужгород, предшественника современных проектов Ямала), включали Caterpillar Tractor, International Harvester, Dresser Industries (США), Mannesmann, AEG-Telefunken (Германия) и Creusot-Loire (Франция). Эти компании поставляли трубы, компрессоры и тракторы для прокладки труб, несмотря на ограничения США. (Источник: Александр Л. Тейлор III (16 февраля 1981 года). Советский трубопровод на Запад, TIME.)

возобновить негарантированное долгосрочное и среднесрочное кредитование, если западные правительства введут... ограничения на гарантированные государством кредиты.»

Если бы частные банки ещё не достигли или почти не достигли собственных финансовых рисков в Блоке, это заявление было бы неактуальным, поскольку ни один государственный акт, запрет или даже закон ранее не влияли на поведение частных банков или элитных фирм в делах с Советским Союзом.

Расширение торговли между Востоком и Западом в 1970-х годах создало отношения асимметричной взаимозависимости. Западные промышленные и финансовые институты получили долгосрочный доступ к обширному защищённому рынку, в то время как советская экономика приобрела технологии, необходимые для поддержания военного и промышленного паритета. Однако финансовая структура этой биржи поставила СССР в положение растущей уязвимости жесткой валюты.

К концу десятилетия ограничения западных банков, рост процентных ставок и рост стоимости рефинансирования ознаменовали конец фазы расширения. Модель модернизации, основанная на кредитах, поддерживавшая промышленный рост во времена разрядки, одновременно породила динамику долга, определившую системный кризис 1980-х годов.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Список источников/References:

1. Без автора (3 июля 1973). КОМПАНИЯ ВЕСНТЕЛ ПОДПИСЫВАЕТ СОВЕТСКИЙ ПАКТ, *The New York Times*.
2. Теодор Шабад (5 марта 1974). «Проект советских грузовиков стимулирует американский бизнес», *The New York Times*.
3. Дэвид К. Шиплер (20 декабря 1976). «Гигантский завод грузовиков медленно оживает на равнинах Советского Союза», *The New York Times*.
4. Электронный ресурс: Купер Томас (2016?). «Бомбардировочные миссии войны во Вьетнаме: визуальная запись крупнейшего воздушного бомбардировщика в истории». Команда Esri по StoryMaps @ <https://storymaps.arcgis.com/stories/2eae918ca40a4bd7a55390bba4735cd>.
5. Электронный ресурс: отчёт ЦРУ (дата указана). Масштабы советской помощи Северному Вьетнаму, одобрено к публикации (09.04.2009). <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP78T02095R000900030002-5.pdf>
6. Ричард Берт (24 мая 1979). «СОВЕТСКАЯ АРМИЯ СВЯЗАНА С АМЕРИКАНСКИМ ЗАВОДОМ», *The New York Times*, раздел А, страница 12.
7. Электронный ресурс: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/detente#:~:text=Between%20the%20late%201960s%20and,increased%20discussion%20on%20arms%20control>.
8. Электронный ресурс: Мария Афоница (21 сентября 2022). «Как СССР торговал с Западом несмотря на Железный занавес», *Врата в Россию*, <https://www.gw2ru.com/business/2230-how-ussr-traded-with-west#:~:text=Machinery%2C%20equipment%2C%20и%20vehicles%20%E2%80%93%2040.7%25,материалы%20и%20промежуточные%20товары%20%E2%80%93%201.3%25>
9. Электронный ресурс: секретный доклад ЦРУ (8 апреля 1982 года). ФИНАНСОВАЯ ПРОБЛЕМА СОВЕТСКОГО БЛОКА КАК ИСТОЧНИК ЗАПАДНОГО ВЛИЯНИЯ, одобрено к

выпуску 17 июня 2008 года. <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00966R000100030026-0.pdf>

10. Соня Мельникова-Райч (2010), «Советская проблема с двумя «неизвестными»: как американский архитектор и советский переговорщик запустили индустриализацию России, часть 1: Альберт Кан.
11. Филип Шабекофф (9 июля 1972). «Москва согласна купить американское зерно за 750 миллионов долларов». *The New York Times*. стр. 1. ISSN 0362-4331.
12. «Америка получает шахту». Гарвард Кримсон. 1 декабря 2016 года.
13. Теодор Шабад (13 января 1973). «Генеральная Европа и Советский Союз подписывают пакт о технологическом обмене», *The New York Times*.
14. Сверхсекретный доклад ЦРУ (около 1976 года/без титульной страницы), СССР: Проблемы в финансировании дефицита торговли жёсткой валютой, приложения, упомянутые в тексте, не включены. Выпущено (дата неизвестна).
15. Электронный ресурс: «Галина Аполлоновна Титова: В Сингапур я ездила разбираться десять лет» [Галина Аполлоновна Титова: Я ездила в Сингапур, чтобы разобраться в этом десять лет] (PDF). letopis.org (на русском). Архивировано с оригинала (PDF) 23 октября 2023 года. (https://en.wikipedia.org/wiki/Urengoy%E2%80%93Pomary%E2%80%93Uzhhorod_pipeline)
16. Александр Л. Тейлор III (Fed. 16, 1981), «Советский трубопровод на Запад». ВРЕМЯ.
17. Сверхсекретный доклад ЦРУ (около 1976 года/без титульной страницы), СССР: Проблемы в финансировании дефицита торговли жёсткой валютой, приложения, упомянутые в тексте, не включены. Выпущено (дата неизвестна).
18. Ричард Берт (26 июня 1978), «Помощники Картера выступают за запрет на нефтяное оборудование для советских», *The New York Times*.
19. Секретный меморандум ЦРУ (8 апреля 1983 года). «Финансовая проблема советского блока как источник западного влияния», RDP83T00966R000100030026-0, одобрено к публикации 2008/06/17.)

УДК: 34:004.8:340.12

ЦИФРОВОЕ ПОСМЕРТИЕ И ИЛЛЮЗИЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ БЫТИЯ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Кильдеев Адель Ханяфиевич

Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова (1990)

Кандидат юридических наук

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Аннотация: Статья посвящена правовому и философскому анализу феномена цифрового посмертия — создания и использования алгоритмических систем, имитирующих личность умершего человека на основе оставленных им при жизни цифровых данных.

Автор исходит из тезиса о принципиальном различии между личностью как носителем сознания и алгоритмической моделью как инструментальной конструкцией, лишённой интенциональности и субъектности. Показано, что распространённая риторика «цифрового бессмертия» основана на подмене онтологических категорий и формирует иллюзию продолжения бытия там, где имеет место лишь статистическая реконструкция речевых и поведенческих паттернов.

С опорой на концепции И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Н.А. Бердяева раскрывается невозможность субъекта при отсутствии самотождественного носителя свободы и действия. Вводится понятие симулякра как знаковой формы субъективности без субъекта. Анализ художественных моделей Н.В. Гоголя и В.О. Пелевина демонстрирует культурно-антропологическое измерение данной проблемы.

Делается вывод о том, что цифровая симуляция личности затрагивает принцип человеческого достоинства и требует специального правового регулирования, тогда как в цифровой коммуникации действует человек, а искусственный интеллект остаётся инструментом реализации его воли.

Ключевые слова: Цифровое посмертие, права личности после смерти, симуляция ИИ, искусственный интеллект; правосубъектность; большие языковые модели; философия права; симулякр; субъект; трансцендентальное единство апперцепции; признание; человеческое достоинство; цифровая симуляция личности; ответственность; *instrumentum vocale*.

Использование искусственного интеллекта. При подготовке данной статьи использовались инструменты искусственного интеллекта — модели ChatGPT (OpenAI, 2025) и Gemini (Google DeepMind, 2025) — исключительно для технической и редакционной поддержки: оптимизации языка, структурирования ссылок и унификации терминологии. Все научные выводы, интерпретации и аналитические обобщения принадлежат автору и отражают результаты его собственной исследовательской работы.

DIGITAL AFTERLIFE AND THE ILLUSION OF CONTINUITY: LEGAL AND ETHICAL ASPECTS OF POST-MORTEM DIGITAL SIMULATION

Kildeev Adel

Zhdanov A. Leningrad State University (1990)

Philosophiæ Doctor in Law

ORCID: 0009-0001-2211-4944

Abstract: The article is devoted to the legal and philosophical analysis of the phenomenon of the digital afterlife — the creation and use of algorithmic systems that imitate the personality of a deceased person on the basis of digital data left by him during his lifetime.

The author proceeds from the thesis of the fundamental difference between the personality as a carrier of consciousness and the algorithmic model as an instrumental construct devoid of intentionality and subjectivity. It is shown that the widespread rhetoric of "digital immortality" is based on the substitution of ontological categories and forms the illusion of the continuation of existence where there is only a statistical reconstruction of speech and behavioral patterns.

Based on the concepts of I. Kant, G.W.F. Hegel and N.A. Berdyaev, the impossibility of the subject in the absence of a self-identical bearer of freedom and action is revealed. The concept of simulacrum is introduced as a sign form of subjectivity without a subject. The analysis of the artistic models of N.V. Gogol and V.O. Pelevin demonstrates the cultural and anthropological dimension of this problem.

It is concluded that the digital simulation of the individual affects the principle of human dignity and requires special legal regulation, while in digital communication a person acts, and artificial intelligence remains a tool for the implementation of his will.

Keywords: Digital afterlife, post-death personality rights, AI simulation, artificial intelligence; legal personality; large language models; philosophy of law; simulacrum; subject; the transcendental unity of apperception; recognition; human dignity; digital personality simulation; responsibility; instrumentum vocale.

Use of artificial intelligence. In the preparation of this article, artificial intelligence tools — the ChatGPT (OpenAI, 2025) and Gemini (Google DeepMind, 2025) models — were used exclusively for technical and editorial support: language optimization, link structuring, and terminology unification. All scientific conclusions, interpretations and analytical generalizations belong to the author and reflect the results of his own research work.

Глава 1. Введение.

Цифровая среда впервые в истории создала техническую возможность имитации присутствия умершего человека. На основе текстов, изображений, аудио- и видеозаписей формируются алгоритмические модели, способные воспроизводить речевые и поведенческие паттерны личности. В публичном дискурсе это явление

получило название «цифрового бессмертия», что уже на уровне терминологии содержит существенную категориальную подмену.

Речь идёт не о продолжении бытия личности, а о создании её статистической реконструкции, лишённой сознания, воли и интенциональности. Алгоритмическая система не обладает субъективностью и не может быть носителем прав и обязанностей. Тем не менее, в социальном и экономическом обороте такая система начинает функционировать как квази-личность, что порождает принципиально новые правовые и этические коллизии.

Проблема цифрового посмертия лежит на пересечении нескольких областей:

- коллизии между правом личности и защиты человеческого достоинства и принципом гражданской оборотоспособности,
- между правом на данные и цифровое наследование и наследственным правом,
- интеллектуальной собственности,
- регулирования искусственного интеллекта.

В отличие от традиционных форм памяти об умершем — текста, фотографии или аудиозаписи — алгоритмическая симуляция создаёт эффект диалога и тем самым формирует у третьих лиц переживание продолжающегося присутствия. **Возникает новая правовая реальность: объект, не являющийся личностью, но способный воспроизводить её социальную роль, симулякр личности. Его определение и регулирование требует нормативной правовой квалификации.**

Это требует ответа на фундаментальные вопросы:

- допустимо ли создание цифровой симуляции личности без её прижизненного согласия;
- кому принадлежат права на такую симуляцию;
- где проходит граница между памятью об умершем и эксплуатацией его идентичности;
- может ли человеческое достоинство иметь посмертное правовое измерение.

Таким образом, цифровое посмертие — это не технологическая, а онтологическая и правовая проблема. Она затрагивает базовые категории личности, идентичности и ответственности и требует формирования новой нормативной модели, способной защитить человека от превращения в алгоритмический объект после смерти.

Настоящее исследование продолжает цикл работ автора, посвященных правовой и онтологической квалификации искусственного интеллекта.¹ В этих

¹ Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 1, Апрель 2025, стр. 4-13, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 2, Май 2025, стр. 92-126, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 3, Июнь 2025, стр. 59-69, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 4, Июль 2025, стр. 24-56, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 5, Август 2025, стр. 3-42, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 6, Сентябрь 2025, стр. 3-34, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 7, Октябрь 2025, стр. 4-36, www.episs.ru.

статьях автор подробно рассмотрел правовой статус ИИ, этические нормы ИИ, аспекты ИИ и авторских прав, многочисленные судебные дела против компаний ИИ и их судебные споры со своими работниками и уже между самими ИИ компаниями, наконец, правовую теоретическую и философскую базу ИИ, его международное правовое регулирование и надлежащее место в мировых технологиях и экономике, принципиальные отличия LLM от искусственного интеллекта. Были рассмотрены философские, юридические и исторические предпосылки понятия искусственного интеллекта, включая концепцию *instrumentum vocale* и модель «раб лампы» в римской правовой традиции.

Развитие генеративных моделей впервые создало технологическую возможность устойчивой цифровой симуляции личности, что не имеет сформированной правовой квалификации. Существуют отдельные исследования в трех несвязанных между собой блоках: 1. цифровое наследие и цифровое посмертие; 2. право персональных данных и цифровая идентичность; 3. AI-этика и LLM. Но отсутствует комплексный анализ генеративной симуляции личности как самостоятельного правового объекта.

Объект и предмет исследования

Объект – общественные отношения, возникающие в связи с технологией генеративной симуляции личности.

Предмет – правовая и онтологическая природа цифровой эмуляции личности, создаваемой на основе больших языковых моделей.

Цель исследования

Целью исследования является формирование целостной правовой квалификации технологии генеративной симуляции личности и определение её места в системе личных неимущественных прав.

Задачи исследования

1. Выявить отличие генеративной симуляции личности от:
 - цифрового архива
 - аватара
 - профиля пользователя.
 2. Определить технологические предпосылки возникновения данного феномена.
 3. Проанализировать применимость существующих правовых режимов.
 4. Исследовать риски посмертной цифровой репрезентации.
 5. Сформулировать предложения по правовой квалификации.
-

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, междисциплинарный, онтологический анализ.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые генеративная симуляция личности рассматривается не как разновидность обработки данных или цифровой памяти, а как самостоятельный правовой феномен, самостоятельный объект правового регулирования.

Глава 2. Исторический и технологический генезис цифровой симуляции личности

2.1. Доцифровые формы присутствия умершего как культурно-правовой феномен

Во всех известных культурах память об умершем обеспечивалась посредством символических форм репрезентации — текста, изображения, ритуала или устной традиции. Эти формы могли быть социально значимыми и обладать высокой степенью сакрализации, однако они не предполагали воспроизведения индивидуальной воли, речевой активности и поведенческой вариативности личности. Образ умершего сохранялся как объект памяти, но не как субъект коммуникации.

В римской традиции функцию репрезентации предков выполняли *imagines maiorum* — восковые маски, выносившиеся во время погребальных процессий и использовавшиеся в публичных церемониях.² Они обеспечивали символическое присутствие умерших в политической и семейной жизни, однако не воспроизводили их индивидуальное сознание и не наделялись способностью к автономному высказыванию.

Аналогичная логика прослеживается в конфуцианской традиции культа предков, где ритуальная коммуникация с умершими осуществлялась через строго регламентированные формы почитания.³ Предок выступал объектом сакрального отношения, но не субъектом диалога.

В библейской традиции эта граница имеет нормативный характер. В Ветхом Завете содержится прямой запрет на попытки установления произвольного контакта с миром умерших (Втор. 18:10–12)⁴, что свидетельствует о принципиальной недопустимости неритуализированного воспроизведения их «голоса».

В ведической традиции культ предков (*śrāddha*) носит строго ритуализированный характер и направлен на поддержание космического и социального порядка (*Rgveda* X.15; *Manusmṛti* III.122–125).^{5 6}

² Полибий. Всеобщая история / пер. с древнегреч. — М.: Наука, 1986. (описание *imagines maiorum*, кн. VI).

³ Ли цзи (Книга обрядов) / пер. с кит. — М.: Восточная литература, 1999.

⁴ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское библейское общество, 2011.

⁵ *Rgveda* / пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. — М.: Наука, 1989. — Мандала X, гимн 15.

⁶ Законы Ману (*Manusmṛti*) / пер. с санскр. — М.: Восточная литература, 1992.

В исламской правовой культуре сакрализация человеческой личности после смерти выражается, в частности, в особой защите телесной неприкосновенности умершего и запрете произвольного конструирования его образа.⁷

Во всех указанных случаях нарушение установленных форм обращения с памятью умерших рассматривалось как тяжкое религиозно-правовое правонарушение. Тем самым формировалась архаическая модель посмертной охраны личности.^{8 9}

Следовательно, до возникновения цифровых технологий во всех культурных системах сохранялась фундаментальная граница между памятью о личности и её действующим коммуникативным заместителем.

2.2. Ранние цифровые формы присутствия умершего: цифровой архив, мемориализация аккаунтов и аватары

Развитие цифровой среды привело к появлению новых форм сохранения посмертного присутствия личности, однако на первоначальном этапе они не выходили за пределы традиционной модели репрезентации и не затрагивали коммуникативную автономию субъекта. Речь шла о фиксации, хранении и институционализации цифрового следа, созданного при жизни пользователя.

Наиболее простой формой является цифровой архив, представляющий собой структурированную совокупность текстов, изображений, аудио- и видеоматериалов. Такие массивы данных не обладают способностью к генерации нового содержания и потому сохраняют статус объекта, а не субъекта коммуникации. Их правовой режим определяется нормами наследственного права, законодательства о персональных данных и положениями о результатах интеллектуальной деятельности.^{10 11}

Правовая квалификация цифровых данных умершего получила развитие в судебной практике. Прецедентное значение имеет решение Федерального суда Германии от 12 июля 2018 г. по делу III ZR 183/17, в котором учетная запись пользователя социальной сети была признана частью наследственной массы и подлежащей передаче наследникам в порядке универсального правопреемства.¹² Суд указал, что цифровой профиль представляет собой совокупность договорных прав и информационного контента и не может рассматриваться как продолжение личности умершего.

Аналогичный подход закреплён в американском праве в рамках Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (2015), предоставившего наследственным управляющим право доступа к цифровым активам умершего при

⁷ Коран / пер. смыслов и коммент. И. Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1990

⁸ Assmann J. Death and Salvation in Ancient Egypt. – Ithaca: Cornell University Press, 2005.

⁹ Davies D. J. Death, Ritual and Belief. – London: Bloomsbury, 2017.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ.

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

¹² Bundesgerichtshof. Urteil vom 12.07.2018 – III ZR 183/17 // Neue Juristische Wochenschrift. – 2018. – S. 3178–3183.

соблюдении установленных процедур.¹³ Тем самым цифровые данные были окончательно включены в сферу наследственного правопреемства.

Развитие пользовательских сервисов привело к формированию режима мемориализации аккаунтов. В социальной сети Facebook введён статус memorialized account, при котором профиль сохраняется в сети как пространство памяти, но утрачивает возможность самостоятельной активности, а управление им передаётся назначенному при жизни доверенному лицу (legacy contact).¹⁴ Сходные механизмы предусмотрены в сервисах Google (Inactive Account Manager) и Instagram.¹⁵

Принципиальным является то обстоятельство, что в данных моделях учетная запись:

- не генерирует новых сообщений;
- не вступает в диалог;
- не воспроизводит поведенческую вариативность личности.

Её функция ограничивается сохранением ранее созданного контента и обеспечением коллективной цифровой памяти.

Особое место среди ранних форм цифровой репрезентации личности занимают аватары, используемые в виртуальных мирах и системах виртуальной реальности. В таких средах, как Second Life или VRChat, аватар представляет собой графическое воплощение пользователя, способное имитировать жесты, перемещение в пространстве и иные элементы телесного поведения.^{16 17}

Несмотря на высокий уровень визуальной индивидуализации, аватар не обладает коммуникативной автономией. Его действия полностью определяются волей живого пользователя либо заранее заданным алгоритмом. После смерти пользователя аватар утрачивает активную функцию и может существовать только как элемент цифрового архива. Его правовой режим определяется пользовательским соглашением платформы и нормами об объектах интеллектуальной собственности.¹⁸

Тем самым даже наиболее сложные формы цифровой визуализации личности не создают эффекта её самостоятельного присутствия в социальной коммуникации.

В научной литературе данные процессы рассматриваются в рамках концепции цифрового наследия и посмертной приватности, где основной проблемой является распределение доступа к данным и их правовая судьба после смерти субъекта.^{19 20}

Следовательно, ранние цифровые формы посмертного присутствия характеризуются сохранением информационного следа без воспроизведения коммуникативной функции личности. Их правовой режим укладывается в

¹³ Электронный песчпс: Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (2015) // Uniform Law Commission

¹⁴ Facebook. Memorialized Accounts [Электронный песчпс]. – URL: <https://www.facebook.com/help> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁵ Google. Inactive Account Manager [Электронный песчпс]. – URL: <https://myaccount.google.com/inactive> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁶ Lastowka G. Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds. – New Haven: Yale University Press, 2010.

¹⁷ Boellstorff T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. – Princeton: Princeton University Press, 2008.

¹⁸ Lastowka G. Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds. – New Haven: Yale University Press, 2010.

¹⁹ Edwards L., Harbinja E. Protecting Post-Mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World // Cardozo Arts & Entertainment Law Journal. – 2013. – Vol. 32. – P. 1–42.

²⁰ Banta N. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing Digital Assets // Fordham Law Review. – 2014. – Vol. 83. – P. 799–854.

существующие конструкции наследственного, договорного и информационного права.

Качественный разрыв с данной моделью происходит лишь с появлением технологий, способных генерировать новые высказывания, имитирующие индивидуальный стиль и поведенческие реакции умершего. Именно этот переход превращает цифровую репрезентацию из формы архива в форму симуляции личности и выводит её за пределы традиционных правовых режимов.

Глава 3. Генеративная симуляция личности как технологическая и правовая реальность

3.1. Патент Meta²¹ как фиксация технологической возможности генеративной симуляции личности

Переход от цифровой репрезентации личности к её генеративной симуляции перестаёт быть теоретической конструкцией в тот момент, когда соответствующая технология получает патентную форму. Патентная заявка Meta Social networking system that simulates a user using a language model (система социальной сети, моделирующая пользователя с использованием языковой модели) фиксирует воспроизводимое техническое решение, предназначенное для функционирования в инфраструктуре социальной сети.²²

В описании изобретения предлагается архитектура, в которой предварительно обученная большая языковая модель адаптируется на основе исторических данных конкретного пользователя. В качестве обучающего массива используются публикации, комментарии, реакции, а также поведенческие сценарии взаимодействия с контентом. Эти данные преобразуются в индивидуализированную вероятностную модель речевого и коммуникативного поведения.

Система формирует пользовательский обучающий набор данных, анализирует входящий контент, генерирует ответ и размещает его в цифровой среде от имени пользователя. Тем самым воспроизводится не текст как статичный объект, а структура социального действия — коммуникация, адресованная другому участнику сети.

Принципиальное значение имеет то, что в описании изобретения прямо предусмотрено функционирование системы в условиях отсутствия пользователя, включая случаи его смерти.²³ Технология ориентирована на продолжение коммуникативной активности при прекращении физического существования субъекта.

Юридически значимыми признаками рассматриваемого технического решения являются:

— персонализированность модели, формируемой на основе данных конкретного лица;

²¹ Компания Meta признана экстремистской организацией. Её деятельность запрещена на территории России.

²² Meta Platforms, Inc. Social networking system that simulates a user using a language model : patent application US. – Publ. 2024. – URL: <https://patents.google.com> (дата обращения: 13.02.2026).

²³ Там же.

- автономность коммуникации, осуществляемой без текущего волеизъявления субъекта;
- включённость результатов функционирования системы в реальное социальное взаимодействие;
- независимость функционирования от биологического времени жизни человека.

В совокупности указанные признаки означают воспроизведение коммуникативной функции личности.

Патентная форма фиксации придаёт данной технологии самостоятельное правовое значение. Описанное решение рассматривается как объект, предназначенный для внедрения, лицензирования и экономического использования в платформенной среде. Тем самым воспроизведение индивидуальной модели поведения включается в гражданский оборот.

Документально фиксируется техническая возможность отделения коммуникативной функции личности от её биологического носителя и её автономного функционирования в социальной среде, что в деловых и технологических изданиях прямо интерпретируется как создание цифрового заместителя пользователя.^{24 25}

3.2. Функциональные признаки генеративной симуляции личности как объекта правовой квалификации

Юридическая квалификация генеративной симуляции личности возможна при выделении её функциональных характеристик, имеющих значение для права.

Первым признаком является генерация ранее не существовавшего содержания. Алгоритмическая система формирует новые высказывания, реагирующие на изменяющийся коммуникативный контекст.

Вторым признаком выступает персонализированность. Воспроизводится не абстрактная модель поведения, а индивидуальная идентичность, позволяющая третьим лицам воспринимать результат функционирования системы как действия конкретного человека.

Третьим признаком является автономность функционирования. Речевое поведение отделяется от физического носителя и приобретает способность к самостоятельному существованию.

Четвёртым признаком является социальная интеграция. Генеративная симуляция включается в реальную коммуникацию и влияет на поведение других участников.

Пятым признаком выступает временная неограниченность функционирования.

²⁴ Death isn't the end: Meta patented an AI that lets you keep posting from beyond the grave [Электронный ресурс] // Business Insider. – 2026. – URL: <https://www.businessinsider.com/meta-granted-patent-for-ai-llm-bot-dead-paused-accounts-2026-2> (дата обращения: 13.02.2026).

²⁵ Meta files patent for AI to post as users after death [Электронный ресурс] // Thairath. – 2026. – URL: https://en.thairath.co.th/money/tech_innovation/tech_companies/2913852 (дата обращения: 13.02.2026).

Совокупность указанных характеристик означает воспроизведение коммуникативной функции личности вне зависимости от её физического существования.

Данный феномен не может быть адекватно описан в рамках существующих правовых категорий. Он не сводится к персональным данным, поскольку объектом регулирования является не информация, а модель поведения; не является результатом интеллектуальной деятельности, поскольку воспроизводится способ участия в коммуникации; не укладывается в наследственно-правовую конструкцию, поскольку речь идёт не о передаче массива данных, а о продолжении социальной активности. Тем самым генеративная симуляция личности обладает признаками самостоятельного объекта правовой квалификации.

3.3. Отграничение генеративной симуляции личности от смежных правовых конструкций

Генеративная симуляция личности не совпадает ни с одной из существующих правовых категорий.

1. Она не является персональными данными, поскольку воспроизводит коммуникативную активность, а не информацию о лице.

2. Она не относится к результатам интеллектуальной деятельности, поскольку моделирует идентичность, а не создаёт произведение.

3. Она не образует объект наследственного правопреемства, поскольку не происходит перехода существующего имущественного комплекса.

4. Она не совпадает с мемориальной репрезентацией, которая носит статичный характер.

5. Она не является аватаром, функционирование которого полностью зависит от волеизъявления пользователя.

Разграничительным критерием во всех случаях выступает наличие воспроизводимой коммуникативной функции личности.

Если в традиционных правовых конструкциях объектом регулирования выступают данные, изображение, произведение либо имущественный комплекс, то в рассматриваемом случае воспроизводится социальное действие — участие в коммуникации от имени конкретного лица.

Это подтверждает необходимость самостоятельной правовой квалификации генеративной симуляции личности.

3.4. Выводы

Патентная фиксация технологии подтверждает возможность автономного воспроизведения коммуникативной функции личности.

Генеративная симуляция:

- генерирует новое содержание;
- воспроизводит индивидуальную идентичность;
- функционирует в социальной коммуникации;
- не ограничена временем жизни субъекта.

Указанные признаки позволяют рассматривать её как новый объект правового регулирования. Объектом защиты становится воспроизводимая идентичность личности в коммуникации.

Глава 4. Искусственный интеллект как мнимый субъект: юридическая переквалификация LLM и статус симулякра

Исходная доктринальная постановка вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта опирается на критерий разумности как основания юридической личности. В наиболее концентрированной форме эта позиция выражена Лоуренсом Солумом:

“If the entity can reason, it can be a legal person (Если организация может рассуждать, то она может быть юридическим лицом).”²⁶

Юридический смысл данного утверждения заключается в том, что правосубъектность выводится из способности к рациональному принятию решений. Однако применимость этого критерия предполагает предварительное установление того, что рассматриваемый объект обладает автономной способностью к целеполаганию и действует как участник правового оборота. Большие языковые модели не обладают ни собственной сферой целей, ни возможностью инициировать юридически значимые действия. Их функционирование полностью определяется запросом пользователя и инфраструктурой оператора. Следовательно, тезис Солума относится к гипотетическому автономному агенту и неприменим к LLM как к инструментальной системе генерации текста. Уже на этом уровне дискуссия о правосубъектности теряет предмет, поскольку объект квалифицирован ошибочно.

Аналогичная подмена происходит в корпоративной модели, предложенной Шоном Байерном, который утверждает:

“there is no conceptual barrier to recognizing an autonomous system as a legal entity (Не существует концептуальных препятствий для признания автономной системы юридическим лицом).”²⁷

Данный тезис предполагает, что правосубъектность юридического лица является чисто нормативной конструкцией и может быть распространена на любую достаточно сложную систему. Однако правосубъектность корпорации основана на двух юридических элементах: имущественной обособленности и организационной структуре, через которую формируется юридически релевантная воля. LLM не обладает ни собственным имуществом, ни органами. Она не принимает решений в юридическом смысле, а генерирует текстовые последовательности в рамках заданной архитектуры. Следовательно, признание за ней правосубъектности не создаёт нового центра ответственности. Более того, генерация текста не является юридическим действием. Юридически значимое действие совершает субъект, использующий результат генерации. Таким образом, LLM выступает не как агент, а как средство создания знаковой формы, имитирующей коммуникативное поведение.

²⁶ Solum L. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. P. 1235.

²⁷ Bayern S. The Implications of Modern Business-Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems // Stanford Technology Law Review. 2016. Vol. 19. P. 104.

В уголовно-правовой доктрине Габриэль Халлеви формулирует тезис о функциональном эквиваленте вины:

“AI can fulfill the requirements of mens rea in a functional sense (ИИ может отвечать требованиями вины).”²⁸

Юридическое значение этого тезиса заключается в редукции вины к когнитивному элементу. Однако вина в уголовном праве включает не только интеллектуальный, но и волевой элемент, а также возможность личного вменения и применения наказания к субъекту. Алгоритм не является адресатом уголовной репрессии и не может претерпевать санкцию. Следовательно, перенос на него категории mens rea разрушает саму конструкцию уголовной ответственности. В случае причинения вреда субъектом остаётся лицо, использующее систему, поскольку именно оно принимает решение о её применении и несёт риск такого применения.

Современная теория автономных социальных систем в лице Гюнтера Тойбнера допускает возможность появления «электронных агентов», функционирующих в праве как участники коммуникации.²⁹ Однако и в этой модели субъектом признаётся не техническая система как таковая, а коммуникативная структура, обладающая способностью к самоотнесению и воспроизводству собственных операций. LLM не обладает ни самореференцией, ни собственной нормативной программой; она воспроизводит вероятностные языковые последовательности в пределах внешнего управления. Следовательно, даже в рамках системной теории права она не может быть признана автономным участником правовой коммуникации.

Уго Пагалло, анализируя возможность новой формы правосубъектности для роботов, связывает её с их участием в социальных взаимодействиях.³⁰ Однако участие в коммуникации как таковое не является юридическим критерием субъекта. Право квалифицирует не форму поведения, а наличие носителя прав и обязанностей. Объект может имитировать коммуникативное действие, не становясь субъектом.

Тем самым все основные доктринальные аргументы в пользу правосубъектности искусственного интеллекта исходят из отождествления автономного агента с системой генерации текста. В действительности LLM не является искусственным интеллектом в смысле субъекта действия. Она представляет собой инструмент обработки данных, создающий симуляцию речевого поведения.

Юридическая природа симулякра определяется его объектным характером. Он может быть:

- объектом интеллектуальных прав,
- объектом регулирования в сфере защиты данных,
- источником повышенного риска,
- но **не субъектом** правоотношения.

²⁸ Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems. Cham: Springer, 2015. P. 102.

²⁹ Teubner G. Digital Personhood? The Status of Autonomous Software Agents in Private Law // Ancilla Iuris. 2018. P. 35–78.

³⁰ Pagallo U. The Laws of Robots. Dordrecht: Springer, 2013. P. 101–103.

Право знает только две базовые категории — субъект и объект. Объект, воспроизводящий форму действия, не приобретает правосубъектности, поскольку правосубъектность определяется способностью быть носителем прав и обязанностей и нести ответственность.³¹

В этой связи квалификация LLM как *instrumentum vocale* фиксирует её действительное положение в правовой системе: это техническое средство, посредством которого субъект права осуществляет юридически значимые действия. Все правовые последствия её функционирования относятся к лицам, определяющим цели её применения и контролирующим её жизненный цикл.

Из этого следует, что так называемый **responsibility gap** (разрыв в ответственности) возникает не из автономности системы, а из ошибочной онтологической квалификации её как действующего агента. В действительности действие совершает субъект, использующий инструмент, тогда как симуляция коммуникации остаётся объектом правового регулирования.

Позитивное право подтверждает данную квалификацию. Регламент (EU) 2024/1689 возлагает обязанности исключительно на поставщиков и пользователей систем искусственного интеллекта и не предусматривает их правосубъектности. Тем самым законодатель закрепляет инструментальный статус соответствующих технологий.

Следовательно, дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта применительно к LLM является категориальной ошибкой. Объектом правового анализа является не автономный субъект, а технический инструмент, создающий симуляцию коммуникативного поведения.

Показательно, что позитивное право Европейского союза, принимая во внимание аргументы о *responsibility gap*, не пошло по пути создания новой правосубъектности для искусственного интеллекта. Регламент (EU) 2024/1689 выстраивает регулирование таким образом, что единственными субъектами обязанностей и ответственности являются лица, участвующие в жизненном цикле системы искусственного интеллекта. К их числу отнесены поставщики, уполномоченные представители, импортеры, дистрибьюторы и пользователи систем искусственного интеллекта (ст. 3).³² Именно на них возлагаются обязанности по обеспечению соответствия систем установленным требованиям, управлению рисками, ведению технической документации, обеспечению прозрачности и осуществлению человеческого контроля (ст. 8–29).

AI-система при этом определяется как машинная система, предназначенная для функционирования с различной степенью автономности (ст. 3 (1)), и во всей структуре регламента фигурирует исключительно как объект, в отношении которого устанавливаются требования безопасности и ограничения на ввод в оборот и использование. Она не наделяется правами, не несёт обязанностей и не может

³¹ Подробнее см. работы автора: Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 1, Апрель 2025, стр. 4-13, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 6, Сентябрь 2025, стр. 3-34, www.episs.ru; Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 7, Октябрь 2025, стр. 4-36, www.episs.ru.

³² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. 2024. Art. 3.

выступать адресатом санкций. Адресатами административных мер и штрафов являются исключительно субъекты экономической деятельности (ст. 99).

Особое значение имеет требование человеческого контроля (human oversight), закреплённое в числе обязательных требований к системам высокого риска (ст. 14). Данная норма прямо исходит из того, что юридически значимое решение должно оставаться в сфере контроля человека и может быть им изменено или отменено. Тем самым исключается возможность признания системы автономным носителем юридически релевантной воли.

Нормативная конструкция акта демонстрирует, что проблема responsibility gap разрешается посредством установления непрерывной цепочки обязанностей и ответственности субъектов, вводящих систему в оборот и использующих её в профессиональной деятельности. Следовательно, разрыв ответственности возникает не из автономности технологии как таковой, а из её ошибочной квалификации в качестве действующего агента. В правовой модели AI Act система искусственного интеллекта выступает источником риска и объектом регулирования, тогда как носителем обязанностей и ответственности остаётся субъект права.

Нормативный вывод

Регламент (EU) 2024/1689 структурно исключает возможность признания искусственного интеллекта субъектом права, поскольку:

- субъектами обязанностей являются только участники экономического оборота;
- санкции адресованы исключительно им;
- юридически значимое решение должно оставаться под человеческим контролем.

Следовательно, responsibility gap устраняется средствами действующего права и не требует введения новой правосубъектности.

Заключительные выводы и юридическое определение симулякра

Проведённый анализ показывает, что доктринальные конструкции, обосновывающие возможность признания искусственного интеллекта субъектом права, исходят из предпосылки о наличии автономного носителя юридически релевантного поведения. Между тем большие языковые модели не обладают ни собственной сферой целей, ни способностью к принятию решений, имеющих юридическое значение. Их функционирование полностью определяется внешним целеполаганием и реализуется в рамках инфраструктуры, принадлежащей субъектам права. Следовательно, они не могут рассматриваться как участники правоотношений.

Аналогия с юридическим лицом оказывается несостоятельной вследствие отсутствия имущественной обособленности и органной воли; концепция функционального соответствия субъективной стороне преступления — вследствие невозможности личного вменения и адресуемости санкции; аргумент responsibility gap — вследствие того, что юридически значимое действие во всех случаях остаётся

в сфере решения человека о создании, вводе в оборот и применении системы. Позитивное право Европейского союза, закрепившее модель регулирования, в которой все обязанности и санкции адресованы исключительно участникам экономического оборота, нормативно подтверждает инструментальный характер искусственного интеллекта.

Тем самым правовой анализ приводит к необходимости различения трёх уровней, которые в современной дискуссии часто отождествляются:

1. гипотетический автономный искусственный интеллект как возможный субъект;
2. большие языковые модели как инструмент обработки данных;
3. создаваемая ими коммуникативная форма.

Объектом настоящего исследования является именно третий уровень — знаковая структура, воспроизводящая форму речевого поведения субъекта.

В юридическом смысле данная структура подлежит квалификации как симулякр.

Симулякр в настоящем исследовании определяется как созданная технической системой знаковая форма, имитирующая коммуникативное действие субъекта, но не обладающая автономной волей, имущественной обособленностью и способностью нести юридическую ответственность.

Такое определение имеет прямые правовые последствия. Симулякр может выступать:

- объектом интеллектуальных прав;
- объектом регулирования в сфере защиты персональных данных;
- источником повышенного риска;
- средством совершения юридически значимых действий субъектом права.

Однако он не может быть:

- носителем субъективных прав;
- участником правоотношения;
- субъектом деликтной или уголовной ответственности.

Следовательно, воспроизведение формы коммуникативного поведения не создаёт нового участника правового оборота. Правовое значение имеет не внешняя структура действия, а наличие носителя юридически релевантной воли и ответственности.

В этой связи большие языковые модели подлежат квалификации как *instrumentum vocale* — техническое средство, посредством которого субъект права осуществляет юридически значимые действия, тогда как создаваемые ими симулякры являются объектами правового регулирования.

Объект, функционально воспроизводящий признаки речевого и когнитивного поведения субъекта, не приобретает правосубъектности, поскольку правовое значение имеет не форма действия, а наличие автономной воли, имущественной обособленности и способности нести ответственность. Все указанные элементы в отношении систем генерации текста принадлежат лицам, определяющим цели их функционирования.

Таким образом, проблема правосубъектности искусственного интеллекта в применении к большим языковым моделям (LLM) является не нерешенным вопросом права, а следствием категориальной ошибки в определении объекта.

Глава 5. Симулякр и проблема субъекта: философские основания юридической квалификации

5.1. Субъект как условие приписывания действия

Юридическая квалификация больших языковых моделей как инструмента и создаваемых ими знаковых структур как объекта права требует философского обоснования. Право не конструирует субъекта произвольно, а исходит из возможности приписывания действия определённому носителю воли. Следовательно, вопрос о субъекте предшествует правовой квалификации.

Современные функционалистские теории сознания связывают субъективность с определённым уровнем сложности обработки информации. Классическая философия, напротив, рассматривает субъекта как условие возможности опыта, свободы и ответственности.

5.2. И. Кант: трансцендентальное единство апперцепции

Кантовская формула «Мысль “я мыслю” должна иметь возможность сопровождать все мои представления»³³ означает, что субъект не является результатом синтеза, а выступает его условием. Единство самосознания делает возможным непрерывность опыта и приписывание действия.

Алгоритмическая система способна к синтаксическому и семантическому синтезу, однако каждое её состояние возникает заново и не принадлежит одному и тому же «я». Она не обладает внутренней историей и не может быть носителем акта. Следовательно, воспроизводится форма мышления без субъекта мышления.

5.3. Г.В.Ф. Гегель: признание, негативность и свобода

Гегель определяет субъект как самосознание, существующее в пространстве признания:

«Самосознание есть в себе и для себя постольку, поскольку оно есть для другого самосознания».³⁴

Субъект есть тот, кто способен выйти за пределы заданности, отрицать непосредственное и действовать из свободы.

Алгоритмическая система не обладает негативностью: она не может не быть тем, чем она является. Она способна воспроизводить форму диалога, но не участвует в диалектике признания.

³³ Кант И. Критика чистого разума. — М.: Наука, 1998. — С. 131.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — М.: Наука, 2000. — С. 111.

5.4. Предел функционализма

Функционализм исходит из количественного различия между человеком и машиной. Однако у Канта и Гегеля субъект определяется структурно — через самотождество и свободу. Ни одна вычислительная процедура не создаёт точки приписывания действия.

5.5. Д. Деннет: интенциональная позиция и механизм возникновения симулякра

Деннет предлагает рассматривать субъект как результат интерпретации:

«Система является интенциональной системой постольку, поскольку её поведение можно предсказать, приписывая ей убеждения и желания».³⁵

Языковая модель идеально соответствует этой схеме, поскольку её поведение когерентно и рационально интерпретируемо.

Однако интерпретация не создаёт трансцендентального единства самосознания и не порождает свободы. Следовательно, интенциональная позиция описывает не субъекта, а механизм возникновения симулякра.

5.6. А.Ф. Лосев: мифологическая форма личности

Лосев показывает, что знак может переживаться как реальность личности:

«Миф есть не вымысел, а сама реальность, данная как личностное бытие».³⁶

Цифровая «личность» обладает именно такой структурой присутствия, однако при отсутствии самотождественного носителя знак остаётся пустой формой.

5.7. Н.А. Бердяев: свобода как критерий личности

Бердяев определяет личность через свободу:

«Личность есть свобода и творческий акт».³⁷

Алгоритм полностью принадлежит сфере необходимости и потому не может быть источником действия.

5.8. Н.В. Гоголь: три модели симулякра

«Мёртвые души»: юридический субъект без носителя

Имя умершего продолжает функционировать как правовая реальность.³⁸ Знак действует как субъект при отсутствии субъекта.

«Шинель»: редукция личности к функции текста

Акакий Акакиевич существует как чистая функция переписывания.³⁹ Личность совпадает с операцией воспроизводства знака.

³⁵ Dennett D. The Intentional Stance. — Cambridge, MA: MIT Press, 1987. — P. 17.

³⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М.: Мысль, 1991. — С. 25.

³⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — С. 62.

³⁸ Гоголь Н.В. Мёртвые души. — М.: Художественная литература, 1984. — С. 67–69.

«Нос»: признание без самосознания

Нос майора Ковалева существует как самостоятельная социальная фигура, обладающая более высоким статусом, чем его прежний обладатель.⁴⁰ Он признан, занимает место в иерархии и вступает в коммуникацию как автономное лицо. Здесь субъектность полностью переносится в сферу признания, тогда как самотождественный носитель отсутствует. Это художественная модель признания без субъекта.

5.9. В. Пелевин: интерфейсная модель субъекта и онтология симулякра

В поздних романах В. Пелевина субъект окончательно превращается в дискурсивную функцию.

В iPhuck 10 повествование ведётся от имени алгоритма, обладающего памятью, стилем и самореференцией, однако существующего исключительно как программная конструкция.⁴¹

В Transhumanism Inc. личность распадается на цифровые оболочки и становится конфигурацией данных.⁴²

В KGBT+ субъект совпадает со своим медиальным образом и существует как функция производства аффекта.⁴³

Во всех этих случаях дискурс обладает структурой субъективности при отсутствии её носителя. Это феноменология симулякра.

5.10. Философский итог

Субъект невозможен без:

- трансцендентального единства самосознания;
- свободы;
- признания;
- творческого источника действия.

Языковые модели воспроизводят форму этих проявлений без их онтологического основания. Симулякр есть форма субъективности без субъекта.

Философский анализ тем самым подтверждает юридическую квалификацию искусственного интеллекта как *instrumentum vocale* — средства действия субъекта права.

Глава 6. Заключение: предел симуляции и достоинство личности

Проблема правосубъектности искусственного интеллекта в действительности оказалась не вопросом о будущем технологий, а вопросом о границах человеческого. На протяжении исследования последовательно устранялось исходное смешение уровней, при котором техническая способность к генерации

³⁹ Гоголь Н.В. Шинель // Полн. собр. соч.: в 14 т. — Т. 3. — С. 145–176.

⁴⁰ Гоголь Н.В. Нос // Полн. собр. соч.: в 14 т. — Т. 3. — С. 57–75.

⁴¹ Пелевин В.О. iPhuck 10. — М.: Эксмо, 2017.

⁴² Пелевин В.О. Transhumanism Inc. — М.: Эксмо, 2021.

⁴³ Пелевин В.О. KGBT+. — М.: Эксмо, 2022.

дискурса принималась за наличие субъекта, функциональная когерентность — за единство самосознания, а социальная интерпретация — за свободу. В результате то, что принадлежит сфере средств, наделялось статусом носителя действия.

Юридический анализ показал, что во всех случаях, где действует система искусственного интеллекта, действует человек — тот, кто определяет цели её функционирования, вводит её в оборот и извлекает результат её применения. Философский анализ выявил более глубокое основание этого вывода: субъект невозможен без самотождественного единства опыта, без свободы как способности начинать действие и без признания, предполагающего встречу двух волей. Ни одна вычислительная процедура не создаёт этих условий, как бы сложна она ни была.

Тем самым в пространстве цифровой коммуникации возникает особый феномен — форма субъективности без субъекта. Она обладает голосом, стилем, памятью, способностью к диалогу и социальной узнаваемостью. Она может быть интерпретирована как личность и даже признана в этой функции. Однако её существование исчерпывается знаковой структурой, в которой отсутствует внутренний источник акта. Это и есть симулякр — не иллюзия и не ошибка восприятия, а новая форма объекта, функционирующего как субъект.

Именно здесь право сталкивается с антропологическим пределом. Пока речь идёт о техническом инструменте, проблема остаётся в сфере ответственности, оборота данных и регулирования рисков. Но в тот момент, когда симулякр начинает воспроизводить конкретную человеческую личность — её голос, её образ, её способ говорить и мыслить, — возникает вопрос, который не может быть решён средствами одной только техники.

Личность не сводится к совокупности текстов, изображений и поведенческих паттернов. Она есть источник действия, внутреннее самотождество и свобода. Поэтому её цифровое воспроизведение не является её продолжением. Это всегда конструкция, созданная другими и используемая другими.

В этом смысле идея «мёртвых душ» приобретает в цифровую эпоху новое значение. Существование личности как чистой знаковой функции, сохраняющей юридическую и социальную действенность при отсутствии живого носителя, вступает в прямое противоречие с персоналистской традицией европейской культуры, включая христианскую антропологию, в которой человек мыслится как неповторимое и неделимое единство, обладающее достоинством, не сводимым к его проявлениям. Имя не может быть отделено от личности и превращено в объект оборота без утраты самого понятия человека.

Именно поэтому защита памяти умершего всегда занимала особое место в праве. Она свидетельствует о том, что достоинство личности не исчезает вместе с её биологическим существованием. Цифровая симуляция, создающая иллюзию продолжающегося присутствия, разрушает эту границу, превращая человека в функциональный интерфейс.

В этой точке совпадают правовое, моральное и культурное измерения. Запрет на профанацию памяти умерших существует не как архаический ритуал, а как форма защиты человеческой субъективности от превращения в вещь. Технологии, позволяющие воспроизводить личность как дискурс, ставят этот предел под вопрос — и тем самым требуют его нового осмысления.

Русская классическая литература уже описала обе возможности человеческого существования. В образах Пушкина, Достоевского и Толстого личность раскрывается как внутренняя свобода и источник поступка, несводимый к функции. У Гоголя, напротив, возникает мир, в котором имя, чин, текст и даже взгляд начинают жить собственной жизнью, отделяясь от своего носителя. Современная цифровая реальность лишь придаёт этой гоголевской интуиции техническую форму.

Поэтому вопрос о симулякрах — это не вопрос о технологиях. Это вопрос о том, сохранится ли человек как субъект в мире, где всё может быть воспроизведено как знак.

Из проведённого анализа следует нормативный предел: цифровое воспроизведение личности допустимо лишь там, где оно основано на свободном и ясно выраженном волеизъявлении самой личности. Во всех иных случаях оно должно рассматриваться как недопустимая форма обращения с человеческим достоинством.

Этот вывод не является внешним моральным дополнением к юридической конструкции. Он вытекает из неё. Правосубъектность возможна только там, где существует носитель свободы и ответственности. Там, где его нет, существует лишь средство.

В цифровой коммуникации действует человек — говорит симулякр. Сохранение этого различия становится условием сохранения самого понятия личности. Граница между субъектом и симулякром есть граница между человеком и его превращением в вещь; право, философия и культура совпадают в требовании эту границу сохранить.

И Искусственный Интеллект должен быть рабом лампы, а Человек-его господином, а не наоборот.

Список источников/References

1. Кильдеев А.Х. Искусственный Интеллект-слуга человека или наоборот: правовые аспекты, Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 1, Апрель 2025, www.episs.ru;
2. Кильдеев А. Х. Этичное применение искусственного интеллекта: глобальный обзор принципов, практик, нормативных актов и последствий, Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 2, Май 2025, www.episs.ru;
3. Кильдеев А.Х. Искусственный Интеллект и авторские права: правовые аспекты, Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 3, Июнь 2025, www.episs.ru;
4. Кильдеев А.Х. Судебные иски студий Disney и Warner Brothers Discovery против компании Midjourney и Мэтью и Марии Рейн против компании OpenAI и Сэма Альтмана и их последствия для развития индустрии искусственного интеллекта, Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 4, Июль 2025, www.episs.ru;
5. Кильдеев А.Х. Судебные иски X.AI Corp-X.AI LLC против Huechen Li и X.AI Corp.-X.AI LLC против OpenAI и последствия для индустрии искусственного интеллекта, Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 5, Август 2025, www.episs.ru;
6. Кильдеев А.Х. Искусственный Интеллект-раб лампы, Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 6, Сентябрь 2025, www.episs.ru;
7. Кильдеев А.Х. LLM -это не Искусственный Интеллект. Журнал НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА "21 ВЕК", # 7, Октябрь 2025, www.episs.ru.

8. Полибий. Всеобщая история / пер. с древнегреч. – М.: Наука, 1986. (описание *imagines maiorum*, кн. VI).
9. Ли цзи (Книга обрядов) / пер. с кит. – М.: Восточная литература, 1999.
10. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2011.
11. *R̥gveda* / пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989. – Мандала X, гимн 15.
12. Законы Ману (*Manusmṛti*) / пер. с санскр. – М.: Восточная литература, 1992.
13. Коран / пер. смыслов и коммент. И. Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1990.
14. Assmann J. Death and Salvation in Ancient Egypt. – Ithaca: Cornell University Press, 2005.
15. Davies D. J. Death, Ritual and Belief. – London: Bloomsbury, 2017.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ.
17. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
18. Bundesgerichtshof. Urteil vom 12.07.2018 – III ZR 183/17 // *Neue Juristische Wochenschrift*. – 2018.
19. Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (2015) // Uniform Law Commission [Электронный ресурс].
20. Facebook. Memorialized Accounts [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.facebook.com/help> (дата обращения: 13.02.2026).
21. Google. Inactive Account Manager [Электронный ресурс]. – URL: <https://myaccount.google.com/inactive> (дата обращения: 13.02.2026).
22. Lastowka G. Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds. – New Haven: Yale University Press, 2010.
23. Boellstorff T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. – Princeton: Princeton University Press, 2008.
24. Edwards L., Harbinja E. Protecting Post-Mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World // *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*. – 2013. – Vol. 32.
25. Banta N. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing Digital Assets // *Fordham Law Review*. – 2014. – Vol. 83.
26. Meta Platforms, Inc. Social networking system that simulates a user using a language model : patent application US. – Publ. 2024. – URL: <https://patents.google.com> (дата обращения: 13.02.2026).
27. Death isn't the end: Meta patented an AI that lets you keep posting from beyond the grave [Электронный ресурс] // *Business Insider*. – 2026. – URL: <https://www.businessinsider.com/meta-granted-patent-for-ai-llm-bot-dead-paused-accounts-2026-2> (дата обращения: 13.02.2026).
28. Meta files patent for AI to post as users after death [Электронный ресурс] // *Thairath*. – 2026. – URL: https://en.thairath.co.th/money/tech_innovation/tech_companies/2913852 (дата обращения: 13.02.2026).
29. Solum L. Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. 1992. Vol. 70.
30. Bayern S. The Implications of Modern Business-Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems // *Stanford Technology Law Review*. 2016. Vol. 19.
31. Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems. Cham: Springer, 2015.
32. Teubner G. Digital Personhood? The Status of Autonomous Software Agents in Private Law // *Ancilla Iuris*. 2018.
33. Pagallo U. The Laws of Robots. Dordrecht: Springer, 2013.
34. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // *Official Journal of the European Union*. 2024. Art. 3.
35. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Наука, 1998.

36. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — М.: Наука, 2000.
37. Dennett D. The Intentional Stance. — Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
38. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М.: Мысль, 1991.
39. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993.
40. Гоголь Н.В. Мёртвые души. — М.: Художественная литература, 1984.
41. Гоголь Н.В. Шинель // Полн. собр. соч.: в 14 т. — Т. 3.
42. Гоголь Н.В. Нос // Полн. собр. соч.: в 14 т. — Т. 3.
43. Пелевин В.О. iPhuck 10. — М.: Эксмо, 2017.
44. Пелевин В.О. Transhumanism Inc. — М.: Эксмо, 2021.
45. Пелевин В.О. KGBT+. — М.: Эксмо, 2022.

Журнал
НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА «XXI ВЕК»
THE JOURNAL
"SCIENTIFIC PLATFORM "XXI CENTURY"

№ 3 (12), март 2026 г.

<https://episs.ru>

E-mail: nxxivek@inbox.ru

ISSN 3033-7674 (Online), **ISSN 3033-7666** (Print)

Периодическое научное издание (Санкт-Петербург, Россия)

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-87449

Журнал зарегистрирован и издается в России. Журнал публикует статьи со всех уголков мира и по всем отраслям науки. Журнал издается на русском языке.

Статьи принимаются ежедневно.

Периодичность выпусков: раз в месяц.

Все статьи рецензируются

Каждый автор получает бесплатный сертификат о публикации.

Бесплатный доступ к электронной версии журнала.

Отправляя статью в редакцию, автор подтверждает ее уникальность и несёт за неё полную ответственность за возможные последствия нарушения авторских прав

Редакционная коллегия

Главный редактор

Воронцов Владимир Валентинович

Выпускающий редактор

Иванов Максим Дмитриевич

Ответственный секретарь

Холманских Мария Викторовна

Рецензенты

Димитриенко Андрей Игоревич,

к.м.н., Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

Пырх Андрей Иванович,

к.ю.н., Санкт-Петербургский государственный университет

Контакты

✉ 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

☎ +7 931 712-95-96

✉ nxxivek@inbox.ru

© Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью «Полис» (ОГРН 1097847170871)

190031, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Адмиралтейский, ул. Казанская, д. 35, лит. А, кв. 15

